

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII ВВ. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIEVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIEVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

Г. Альгази

ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ*

ВВЕДЕНИЕ¹

6 июля 1937 г. Отто Бруннер выступил с докладом на XIX конгрессе германских историков в Эрфурте². Доклад Бруннера содержал ключевые тезисы его основного труда “Земля и господство” (“Land und Herrschaft”), вышедшего в 1939 г. В отличие от многих публикаций того времени, эта книга и по сей день пользуется большим успехом и признанием. Как известно, она была отредактирована автором для четвертого издания (1959): многие пассажи были сокращены, некоторые ссылки на ставшие одиозными публикации и авторов в примечаниях были удалены³. Но прежде всего были заменены все выражения, имевшие неприемлемые в новых условиях политические коннотации⁴. В такой форме книгу быстро канонизировали как образцовое произведение⁵. Так что Петер Бликле, например, мог написать в 1983 г., что книга Бруннера представляет собой “одно из самых важных произведений немецкоязычной исторической науки нашего века”⁶. Для Райнхарта Козеллека книга представляет собой “хороший пример” того, “что и политически обусловленные интересы в познании могут привести к теоретически и методически новым выводам, сохраняющим актуальность и после исчезновения породившей их ситуации”⁷.

Это чрезвычайно примечательно. Подобное суждение провоцирует вопрос о том, как происходит такой процесс превращения из “политически обусловленных интересов в познании” в “теоретически и методически новые выводы”. Как, собственно, научно-историческое произведение способно избавиться от следов контекста своего происхождения? Каковы эти следы, оставленные на научном труде политическими условиями его создания? В какой плоскости их искать? Насколько легко можно устранить⁸?

* *Algazi G.* Otto Brunner – “Konkrete Ordnung” und Sprache der Zeit // *Geschichte als Legitimationswissenschaft, 1918–1945* / Hg. von P. Schöttler. Frankfurt a.M., 1997. S. 166–203. Статья публикуется с любезного разрешения автора и продолжает тему истории понятий, затронутую в 22-м выпуске “Одиссея”. Гади Альгази – профессор кафедры истории Тель-Авивского университета, главный редактор журнала “История и память” (“History and Memory”), член редколлегии журналов “Прошлое и настоящее” (“Past & Present”) и “Историческая антропология” (“Historische Anthropologie”).

Якобы имевшая место трансформация отдельно взятой книги обращает наше внимание на трансформационные процессы, которые участвуют в создании границ между политикой и исторической наукой. Как раз поэтому данная книга особенно подходит для того, чтобы задаться вопросом об этих границах.

Изучение случая “Земли и господства” Бруннера интересно еще и потому, что эта книга – в отличие от других его работ – на первый взгляд обнаруживает совсем мало непосредственно политического: в ней почти не содержатся проявления расизма⁹, в ней вовсе нет антисемитизма¹⁰ и – насколько я могу видеть – там нет прямых высказываний в поддержку территориальных притязаний “Третьего Рейха”¹¹. Еще более важным в контексте дискуссии об исторической науке и политической легитимации является то обстоятельство, что в Средневековье Бруннер не усматривает ни “народной общности (Volksgemeinschaft)”, ни “сословного государства”¹².

Таким образом, в поле моего внимания не попадают ни эксплицитные политические утверждения практикующих историков, ни завуалированные намеки на “внешние обстоятельства” их научной деятельности в условиях национал-социализма. Все-му этому уже были посвящены важные труды¹³. Меня гораздо больше интересует то, как политический, социальный и культурный контексты участвуют в формировании “внутренней” продукции истории на уровне метода и фигур мышления. Исследовать это – значит не считать границу между наукой и политикой ни само собою разумеющейся, ни сакральной, ибо тогда, чтобы снять проблему политической обусловленности исторического исследования, хватило бы простого указания на существование этой границы. Но ее также нельзя и отрицать или недооценивать, иначе достаточно было бы определить политическую ориентацию историков, чтобы сформировать адекватное суждение об их работе. Напротив, интересны именно устанавливающие такую границу *трансформационные механизмы*, которые могут превращать политические лозунги (Schlagworte) в научные понятия.

Если бы мы смогли показать, как создаются научно-исторические работы на уровне метода и фигур мышления, это имело бы интересные последствия. Тогда методически было бы не просто разделить “внешние временные обстоятельства” и “чисто научную ценность” работы¹⁴. Такого рода анализ “внутренней” про-

дукции историографии имел бы и другие последствия для науки, помимо эксплицитных политических оценок. Политические позиции все-таки можно четко распознать и принципиально изолировать. Если же “внешние” по отношению к науке интерпретационные модели и свойственные культуре образцы мировосприятия трансформируются в процедуры и фигуры мышления, присущие дисциплине, то они, по всей видимости, получают новый образ. В этом новом образе, частично избавленные от своего политического содержания и освобожденные от первоначального исторического контекста, они будут, пожалуй, сохраняться и после глубоких политических перемен на таком уровне, где смогут обрести жизнь гораздо более долгую и беспрепятственную.

Я полагаю, что именно этот случай демонстрирует книга Отто Бруннера “Земля и господство”. Далее я попытаюсь выявить в общих чертах, в чем эта книга испытала влияние своей эпохи. Здесь можно выделить три аспекта: во-первых, это тематика и основные тезисы; во-вторых – фигуры мышления и [аналитические] процедуры; в-третьих, это влияние на языковом уровне и в особенностях словоупотребления в историографическом дискурсе.

НАСИЛИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО (VERFASSUNG)

Первая часть книги Бруннера посвящена [феодалной] междоусобице. Если многие историки еще считали усобицу явлением распада, то Бруннер помещает ее в центр своего изображения государственного устройства в позднее Средневековье. Она особенно хорошо подходит для наглядной демонстрации ограниченности “позитивистской” историографии. Согласно Бруннеру, усобица представляет собой не реликт, а напротив, является основным моментом позднесредневекового государственного устройства “земли (Land)”, понимаемой как объединение господ, способных вести войну; это не преступление, а облеченное в определенную форму и легитимное средство разрешения спора.

Похоже, в данном случае национал-социалистическая реабилитация насилия как политического средства сделала возможным переосмысление его роли в Средневековье, в отдаленном историческом контексте, который стал восприниматься как близкий¹⁵. Этой точкой зрения Бруннер явно обязан Карлу Шмитту¹⁶. Когда он описывает ритуализованные бои знатных господ, разнообразно-

сти формализованного разрушения, эти описания принадлежат к числу наиболее ярких страниц его книги.

Картина военных столкновений между господами, которые были способны отстоять свое право на насилие вопреки притязаниям центральной власти, перекрывается, однако, другой картиной. В соответствии с нею, в средневековом мире “всякое применение силы, всякая битва есть борьба за мир и право” и “сила (Macht) все же повсюду основывается на праве”¹⁷, праве, которое возвышается над действующими лицами¹⁸ и в то же время внутренне присуще им как “ощущение права” (Rechtsempfinden)¹⁹. Если политическая власть являет себя раздробленной, то германское право, разделяемое “людьми того времени”, царит над всем²⁰. Речь, по Бруннеру, идет о правовом сознании, для которого,

«право и справедливость, право и закон, в конце концов, суть одно и то же; для которого всякий “закон”, всякий порядок, установление, заповедь действует только в рамках “права”, т.е. того свойственного народу восприятия, которое *не может и не хочет* разделять идеальное и позитивное право, поскольку право – есть народное право, “убежденность всех в целом в том, что следует считать правильным, подобающим, убежденность каждого в отдельности, из глубины души которого оно прорывается с ничем не сдерживаемой силой”²¹. Но людям того времени их убежденность в том, что следует считать правильным, подобающим, представляется неизменной, вечной, как *ēwa*, и все “позитивное” право воспринимается как часть этого непрерывного порядка, так что расхождение между правом и справедливостью совершенно не может проявиться. Поэтому Генрих Миттайс и назвал средневековое право “правом, основанным на убежденности (Überzeugungsrecht)”»²².

То, что Бруннер цитирует здесь Миттайса в высшей степени дезориентирующим образом, не должно далее нас занимать²³. То, что основные характеристики этой картины средневекового права восходят к Фритцу Керну, давно известно. Спросить же следовало бы о том, какую роль эта своеобразная смесь реализма и благолепия играет в изображении Бруннера²⁴. Если в позднее Средневековье право – это одна из основных сфер, в которых разворачивались социальные конфликты, то каким образом отсюда следует, что “расхождение между правом и справедливостью совершенно не может проявиться”? Является ли мир, в котором право якобы есть “народное право” и люди *не могут и не хотят* разделять “идеальное и позитивное право”, тем же самым, нарисованным Бруннером, миром, который существует под

знаком “грабежа и пожара”, усабицы между господами и повсеместного насилия?²⁵

Таким образом, Бруннер показал центральное место насилия господ в позднее Средневековье и вступил в полемику с позитивистской теорией права, которая усматривала в этом явлении лишь противоречащий норме взрыв насилия. Но вскрывая одно, он тем самым вновь затушевывал нечто другое, что могло там обнаружиться, а именно – гетерогенность позднесредневековых правовых воззрений и роль насилия господ в процессе воспроизводства позднесредневековых структур власти²⁶.

И от других историков его времени не укрылось то обстоятельство, что аристократия рассматривала свои усабицы как легитимные. Позиция Бруннера отличается лишь тем, что он представил это свойственное только знати воззрение как всеобщее. Данный взгляд вытекает уже из самой постановки вопроса о “сознании того времени”²⁷ и презумпции Бруннера, что “народу” можно приписать недифференцированное, разделяемое всеми “ощущение права”. Уже в 1929 г. Бруннер посвятил феодальной усабице большую статью. Если сравнить этот ранний текст с книгой, вышедшей 10 лет спустя, бросается в глаза, что в ней исчезла социальная привязка этого взгляда. То, что в статье еще является специфической точкой зрения знатных господ²⁸, в книге выдается за основополагающий элемент средневекового “государственного устройства”²⁹.

Бруннер отказывается учитывать то обстоятельство (причем отказывается именно в тот момент, когда, казалось бы, открывает его для себя), что в Средние века словоупотребление перспективировано, т.е. ориентировано на разные социальные перспективы, что существует множество правовых точек зрения, порою противоречащих друг другу, которые свойственны по-разному позиционированным группам. Расставание с “государственнической” или “позитивистской” концепцией средневекового общества не ведет у него к радикальному признанию множественности социальных перспектив; более того, они растворяются в размытом “сознании того времени” и, как я хотел бы показать ниже, в его “основных понятиях”.

В этой книге в тесном переплетении насилие (*Gewaltsamkeit*) средневековых господ и раскрывается, и мистифицируется; о насилии открыто говорится, но одновременно оно маскируется как право. Оправдать это можно, как представляется, только поправкой на реабилитацию насилия как политического средства в

национал-социализме. Распознать тут обращение к социальной истории вряд ли получится. Скорее, тезис о легитимности усобицы воспроизводит ту же самую, предвзято правоведческую, точку зрения его противников, юристов-позитивистов, только с обратным знаком, и отвлекает внимание от роли усобицы как социальной практики³⁰. Но строго историко-правовое изображение позволяет, по меньшей мере, четко выявить границы такого метода рассмотрения³¹. У Бруннера же, когда он маскирует насилие, выдавая его за право, дело обстоит иначе: насилие интерпретируется здесь в рамках расплывчатого понятия государственного устройства (*Verfassung*), смысл которого может колебаться, в зависимости от контекста и потребности, между “институциональными рамками”, “фактическим распределением власти” и “неписаной нормативной фундаментальной структурой” общества³², так что реальность власти всегда может закрадываться в то, что выдается за описание нормативной структуры.

“КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” ДЛЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

То обстоятельство, что аналитическое различие между фактическим распределением власти и нормативными структурами у Бруннера размыто, подводит к важнейшему вопросу о контексте его работы. Возможно, потому, что Бруннера всегда рассматривали в традиции немецкоязычной историографии, основополагающая роль национал-социалистической юриспруденции в его книге осталась нераспознанной. Речь здесь идет не о простых “политических лозунгах”, которые столь же легко можно добавить, как потом снова убрать из текста³³, а о том, как Бруннер перенимает фигуры мышления, процедуры, способы аргументации, которые пронизывают всю его книгу.

Под ними я имею в виду прежде всего разработанное Карлом Шмиттом и его сподвижниками “мышление в категориях конкретного порядка (*konkrete Ordnungsdenken*)”³⁴. Социальные образования или сферы жизни, такие как семья, род, сословие, профессиональное сообщество, чиновничество или войско, считались “конкретными порядками” – причем понятие это не имело единого и однозначного смысла³⁵ – и располагали “собственным внутренним порядком и важными в правовом отношении субстанцией и структурой”³⁶. Введение “мышления в категориях конкретного порядка” подразумевало нечто большее, нежели придание “фактическому” [положению дел] статуса нормы³⁷.

Это был трюк национал-социалистических правоведов, с помощью которого утверждалась нормативность действий без необходимости подчинять их четко формулируемым правовым нормам. Нацистской власти, для которой правовая регламентация и соблюдение норм являли собой только препятствия³⁸ и которая в то же время стремилась сохранить некую видимость права, это было весьма кстати. Право было заменено на якобы фактически предзаданные условия жизни³⁹, из которых, в свою очередь, выводились нормы, соответствовавшие национал-социалистическому мировоззрению⁴⁰, – а чаще просто сиюминутным потребностям властей. Поэтому “конкретными” эти “порядки” ни в коем случае не были: слова-заклинания “конкретный” или “живой” были призваны служить исключительно тому, чтобы разрушить или выхолостить абстрактную норму. Расплывчатый образ “конкретного порядка” состоял, скорее, из эвокативных идеалов и подогнанных под них поведенческих максим (“верность”), которые, однако, нельзя было формулировать систематически и эксплицитно, дабы они не были истолкованы как границы осуществления власти⁴¹.

Перенесение “мышления в категориях конкретного порядка” на Средневековье было подготовлено уже в работах Карла Шмитта и его сторонников. В 1934 г. Шмитт в своей программной работе о трех видах юридического мышления (“Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens”) утверждал, что “германское мышление Средневековья” является “в высшей степени конкретным мышлением в категориях порядка”⁴². Третий Рейх, пояснял в 1935 г. и Курт Эмиг, “подобно немецкому государству Средневековья, строится на естественных порядках”, и добавлял: «германское правовое мышление Средневековья было поэтому “конкретным правовым мышлением”»⁴³. Книгу “Земля и господство” Бруннера можно считать наиболее влиятельной попыткой ввести “мышление в категориях конкретного порядка” в обиход исторической науки. Действительно, ее первое издание было сплошь заполнено “конкретными порядками”⁴⁴. В своем докладе на эрфуртском конгрессе историков Бруннер выдвинул программное требование “описывать исторические структуры Средневековья как конкретные порядки”⁴⁵, а в заключительной главе “Земли и господства” он с особой настойчивостью повторял: “Мы снова и снова указывали на то, что совокупность обсуждаемых нами структур мы описывали как конкретные порядки”⁴⁶. В соответствии с этим даже право отдельных земель (Landrecht) является

“конкретным порядком”⁴⁷ и, что еще важнее, господство следует понимать как “конкретный порядок”. Центральную роль “мышления в категориях конкретного порядка” в книге Бруннера отчетливо показал Генрих Миттайс в своей рецензии на нее в “Historische Zeitschrift” в 1941 г.:

«Мы обратились к мышлению в категориях “конкретных”, т.е. выведенных индуктивно, взятых прямо из жизненного закона сообщества порядков, к выявлению внутри целого необходимой соотношенности всех содержаний. Историком неизвестны такие порядки; они содержатся уже в “правовых округах” Средневековья. Нынешняя теория права исходит из конкретных понятий авторитета, ответственности, долга политической верности так же, как и вообще современное государство, которое, подобно немецкому государству прежнего времени, снова в большей степени ориентировано на личные связи, нежели на абстрактно-объективные, институциональные»⁴⁸.

Впрочем, мне кажется важным не задерживаться на констатации внешних влияний, а задаться вопросом о том, как перенятые Бруннером фигуры мышления и методы функционируют в его научно-историческом труде. Какой эффект они производят, если их поместить в историческую конструкцию?

Прежде всего использование “мышления в категориях конкретного порядка” усугубляет уже имеющуюся двойственность традиционной истории государственного устройства (Verfassungsgeschichte). Так, господство как “конкретный порядок” повторно описывается как нормативное образование, а если возникают противоречия, то в картину по умолчанию опять вводятся социальные категории: общественное разделение власти и свободные пространства для действий (Handlungsspielräume). Для книги Бруннера характерна постоянная смена места действия⁴⁹. Так “конкретный порядок” делает возможной именно ту особенную смесь реализма и благолепия в изложении, на которую указывалось выше⁵⁰.

Еще более важным представляется то, что все крупные социальные категории, будь это классы или сословия, у Бруннера заменяются на “конкретные порядки”⁵¹. Его картина “внутреннего строения” позднего Средневековья состоит именно из многих “конкретных порядков”, а в остальном – только из “земли” и “народа”. Анахронистическую систематизацию правоведов-позитивистов, которая изображала средневековое государственное устройство по аналогии с организацией современных государств, он заменяет другой, которая знает только господство в рамках домовладения, поместья, города или земли (Land) и сулит обой-

тись без сословий и классов, но также и без экономики, религии и культуры. В основе ее лежит своеобразное представление об обществе, которому не ведомы структурные различия, а только повторение больших и малых, но по сути всегда однородных, образований. В этом контексте и нужно понимать попытку Бруннера определить, какова была “сущность” средневекового “господства как такового”⁵².

“Избирательное сродство” между книгой Бруннера “Земля и господство” и национал-социалистической юриспруденцией его времени не ограничивается применением одинаковых фигур мышления; также и сопутствующий им метод аргументации обнаруживает четкие параллели. Бернд Рютерс описывает, как сторонники “мышления в категориях конкретного порядка” часто определяли “сущность” того или иного “порядка”, чтобы из этой “сущности” выводить потом отдельные нормы:

«Когда Шмитт хочет вывести нормативные следствия из определенного конкретного порядка, он пользуется аргументами, апеллирующими к “сущности” соответствующей сферы жизни. [...] Подобным же образом строили свою аргументацию и другие последователи мышления в категориях конкретного порядка. Зиберт, например, обращается к “сущности” труда или трудового коллектива, когда хочет подвести основания под новую правовую регламентацию трудовых отношений. [...] Своеобразие мышления в категориях конкретного порядка состоит, как считается, в осознании “сущности вещей” и их “целостной смысловой взаимосвязи”. Из “сущности” отдельных конкретных порядков должны выводиться нормативные, обязательные образцы, в которых воплощается “соответствующее сущности” поведение людей, – например, “добропорядочный крестьянин”, “храбрый солдат”, “сознающий свой долг чиновник” и т.д.»⁵³

Таким же образом действует и Бруннер, когда вновь и вновь сводит системы социальных отношений к тому, что якобы составляет их “сущность”, чтобы сделать из этого свои безапелляционные выводы:

«Проводя различия между сферой управления и судебной практикой [т.е. между различными правами господ. – Г.А.], следует исходить из того, что в этом мире [в Средние века] всякое действие [господ] является действием правовым, между прочим и те установления и меры, которые проистекают “из милости” господина. *Ведь сущность отношений преданности и верности такова, что они остаются в границах “примлемого с правовой и нравственной точки зрения (Г. Миттайс)”*»⁵⁴.

Пресловутая “сущность” господства, как выясняется, – это та самая норма, которая, по предположению Миттайса, царила в отношениях между феодалами и вассалами. Эту сконструированную историком норму Бруннер сгущает до “сущности” отношений, превращающей всю практику господства в “правовые действия”. Отвергаемая Бруннером в других случаях история права признает хотя бы, что бывает нарушение правовой нормы, тогда как его “сущность отношений преданности и верности” никаких нарушений не предполагает⁵⁵.

Перенесение “конкретных порядков” как фигуры мышления из теории права в историю государственного устройства превращает порою историка в законодателя задним числом, чьи заявления обладают непонятым статусом. Когда, например, утверждается, что отношение суверена с подданной знатью (Landschaft) определяется “верностью и преданностью, советом и помощью” – идет ли речь о констатации факта или о нормативном предписании?⁵⁶ Точно так же, когда утверждается, что “сущность” дома и господства состоит “в верности и преданности, в защите и покровительстве, в совете и помощи”⁵⁷ и что в отношениях поземельного господства “идеи защиты, преданности, верности и помощи” стоят “в центре”⁵⁸.

Бруннер сводит общество к образованиям, которые кажутся конкретными, локальными и осязаемыми, однако они нигде точно не локализируются; их “сущность” составляют столь дорогие ему “основные понятия”. И если несмотря на все это впоследствии данный вид “истории народа” (Volksgeschichte) и “мышления в категориях конкретного порядка” удалось, как считается, превратить в “историю структур”, то это нужно рассматривать как настоящее чудо⁵⁹.

С другой стороны, если кто-то надеется, что, перенеяв подход Бруннера и его якобы “восходящие к источникам понятия”, сможет приблизиться к действующим лицам истории и сумеет лучше реконструировать их голоса и опыт, то он заблуждается⁶⁰. Ибо здесь говорят “конкретные порядки”, т.е. образования, которые, если их спросит историк со способностью к чревоуещанию, на удивление ясным голосом будут повторять все время одно и то же: “Верность и преданность, защита и покровительство, совет и помощь”⁶¹.

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ И “ЯЗЫК ВРЕМЕНИ”

Если общество может заменяться на “конкретные порядки”, если вместо структуры и взаимозависимости гетерогенных социальных конфигураций его образ составляет повторение однородных потестарных образований, то “основные понятия” должны играть, без преувеличения, центральную роль. В качестве композиционных элементов текста Бруннера они придают изображаемой им картине связность, поскольку постоянно повторяются; в качестве “основных понятий”, которые якобы регулярно встречаются во всех изучаемых институтах⁶², они внушают мысль о параллельности различных “порядков” и тем самым подтверждают презумпцию об общей “сущности” господства. Если эти “порядки” не находятся в органической взаимозависимости, их, таким образом, можно объявить параллельными “формами народного порядка”⁶³. Когда Бруннер указывает на “континуитет расы, языка”, причем последний изображается им как “одновременно и континуитет форм мышления”⁶⁴, становится очевидным, что исторические “основные понятия” у него должны свидетельствовать также и о континуитете “народно-национальной субстанции” (*völkische Substanz*) во все времена⁶⁵. Ведь, в конце концов, в книге для него главное “не отдельные учреждения и правовые институты”, а “основные идеи, определяющие немецкий народ и его народный порядок”⁶⁶. Даже если при желании расценивать ее заключительную фразу, в которой говорится, что “основные политические понятия Третьего Рейха” можно понять “в конечном счете лишь исходя из германских основ”, как признание лицемерное, только на словах, – все равно роль “основных понятий” для всей книги Бруннера остается основополагающей.

Таким образом, эти “основные понятия”, “звучащие просто и неброско”, но при этом, как утверждается, “взятые из языка источников”, придают книге Бруннера структурную связность текста, когезию, тогда как когерентность, т.е. целостность, смысловое единство, – едва ли. Причина в том, что их регулярная повторяемость – кажущаяся: повторяются слова, но не понятия. В другом месте я уже попытался подробно показать, что речь идет о только кажущемся единстве понятий, поскольку своим значением слова в каждом отдельном случае обязаны исключительно социальному контексту, соответствующей игре языка, в условиях которой они используются⁶⁷. То, что на деле означает, например, слово *Schirm* (“покровительство”) в социальной конфигурации, которая характеризуется угнетением и принуждением, имеет мало об-

щего с тем, что это слово значит на другом уровне социальной структуры. “Покровительство” может означать и “активную защиту”, иногда – патронаж, и “отказ от действия с позиций силы” или просто только “господство”. Во всех этих значениях данное слово употребляется не только в современных источниках, но и в книге Бруннера, причем не говорится ясно, что именно оно обозначает в том или ином контексте. Вследствие смешения различных значений (что в то же время означает смешение социальных контекстов и вариантов игры языка, которые заменяются на “народ” и “конкретный порядок”), словоупотребление теряет как свою социальную гетерогенность, так и основополагающее для него качество – перспективированность, зависимость от того, кто и с какой позиции употребляет те или иные слова. Это приводит к в высшей степени сомнительным интерпретациям источников⁶⁸, так что говорить о простом “существовании научной точности и партийной истории”⁶⁹ ни в коем случае нельзя.

Апеллирующая к историзму полемика Бруннера с альтернативными историографическими традициями, от представителей которых укрылась вся историческая обусловленность их взглядов, уводит внимание от *социальной* обусловленности как его собственного взгляда, так и взглядов действующих лиц истории. Такое может произойти только потому, что эти действующие лица заменяются на “народ”, а отвергнутое Бруннером понятие “общество” – на “народный порядок”.

Даже при том, что впоследствии Бруннер перестал открыто признавать себя сторонником понятия “народ”, его книга остается образцом историописания, которое оперирует неперспективированным, лишенным социально локализованного носителя понятием “язык времени”, затушевывающим гетерогенность словоупотребления. Подобный исторический анализ отказывается тем самым от важного аспекта исторической динамики. Игра многозначностей типична для повседневного языка и может производить идеологический эффект. Но использование таких многозначностей в социальных конфликтах не становится у Бруннера предметом исторического анализа, а пронизывает у него язык самого научно-исторического описания. Если язык исторического анализа и мнимый “язык времени” взаимно переходят друг в друга, то к затушеванной социальной локализованности словоупотребления людей прошлого добавляется затушеванная социальная локализованность словоупотребления практикующего историка. Введение в историографический дискурс засвидетель-

ствованных источниками слов с переменчивыми, ситуативно обусловленными значениями, разжижает содержание научных исторических понятий и делает характерную для книги Бруннера постоянную смену точек зрения почти неуловимой. Это подобно игре с зеркалом: взгляд наблюдателя, полностью лишенный социальной локализации, встречается с самим собой в образе понятий – якобы свойственных времени, соответствующих источникам и столь же не локализованных социально.

РЕВИЗИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Но этим роль мнимого “языка времени” в нарисованной Бруннером картине Средневековья еще не исчерпывается. Ведь дело здесь не просто в недопустимом употреблении сомнительных этимологий с тем, чтобы задним числом наполнить язык Средневековья более глубокими, якобы архаическими, значениями; даже если некоторые из этих этимологий не были признаны ошибочными в ходе последующих исследований, современники, вероятно, вряд ли их осознавали⁷⁰. Доступа к их видению социальных отношений этимологии не открывают. Тогда какую же роль они играют в “Земле и господстве”?

На самом деле для Бруннера речь идет о гораздо большем, а именно, о введении нового дискурса. Как он пишет в заключительном разделе, книга должна была наглядно продемонстрировать, как оправдали себя на практике “разработанные в ней понятия”, а “унаследованный от XIX столетия понятийный аппарат” должен “быть разрушен”⁷¹. Господство и земля, защита и покровительство, верность и помощь – эти понятия Бруннер преподносит как главный результат своего труда⁷². Активное внедрение “понятий” подобного рода в язык историописания является результатом не анализа источников, а презумпций относительно “сущности” господства – это подтверждается многими местами текста, где Бруннер рекомендует историкам применение определенных выражений:

«Господин предстает как попечитель, фогт, опекун – все это понятия, которые должны вызывать наш пристальный интерес. Но лучше всего, если мы скажем, что господин *waltet* [владевает, правит] в доме. Здесь мы уже констатируем, что из этого слова “*walten*” можно вывести как *Gewalt* [насилие], так и *Verwaltung* [управление]. То, что направленное вовнутрь проявляется как управление (*Verwaltung*), во вне – означает защиту и покровительство (*Schutz und Schirm*) при угрозе насилия (*Gewalt*) со стороны других»⁷³.

Если “насилие (Gewalt)” и “управление (Verwaltung)” – в реальности, в норме или, возможно, только в языке – выводятся из слова “walten”, то идеологический круг замыкается. Этот повторяющийся основополагающий историографический прием можно описать следующим образом: социальные отношения сводятся к “конкретным порядкам”, которым, в свою очередь, всякий раз приписывается некая “сущность”, а она со своей стороны привязывается к остающимся на удивление константными “основным понятиям”; из этих “основных понятий” в итоге можно “вывести” права и полномочия. Здесь открывается сфера магии слова. Таким способом можно добиться эффекта легитимности без какого-либо для нее основания. Достаточно сослаться на “язык времени” и специфический метод историка. Есть ли фактические подтверждения существованию этого метода в Средневековье, даст ли он результат при исследовании сложных вопросов легитимности в позднесредневековом обществе, – мне представляется в высшей степени сомнительным; все это выглядит больше как ученый трюк современной историографии.

Смысл этого приема состоял в том, чтобы окольным путем – через интерпретацию прошлого – ввести и закрепить новый дискурс (институционально оформленную манеру говорить). Вспомним призыв Карла Шмитта “Мы переосмыслим правовые понятия”⁷⁴, который Бернд Рютерс интерпретирует так: “Обновление права посредством изменения понятий: унаследованным от прошлого правовым понятиям, которые мы рассматриваем как пустые словесные оболочки, мы придаем новое содержание, понимая их и заполняя в соответствии с национал-социалистическим мировоззрением”⁷⁵. В этот же ряд можно поставить и призыв Бруннера на эрфуртском конгрессе историков:

“Главное сегодня, – это *ревизия основных понятий*. Невыносимо состояние, когда понятия, порожденные мертвой действительностью, все еще определяют основные масштабы и вопросы для эпохи, чье внутреннее устройство было абсолютно иного рода. Это требование следует формулировать с максимальной радикальностью”⁷⁶.

Роль Бруннера в формировании специфически немецкого варианта исторической семантики следует осмысливать именно на этом фоне. Его подход, базирующийся на истории понятий, дал ему возможность ввести в метаязык исторического описания и анализа многозначные “понятия из источников”. Большой резонанс, в том числе и научный, таких двусмысленных понятий, как

“защита и покровительство”, был обусловлен, в числе прочего, и тем, какое политическое значение они получили в современном Бруннеру обществе⁷⁷. То, как этот историк использовал в своем изображении Средневековья якобы язык источников и тем самым осуществлял “имплицитное образование понятий”, вполне можно охарактеризовать словами М. Вебера (1922), видевшего в подобном подходе “половинчатое решение, при котором историк не может отказаться от оценочного суждения и одновременно пытается уклониться от ответственности за него”⁷⁸.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Здесь мне хотелось бы сделать две оговорки. Моя основная задача состояла отнюдь не в том, чтобы доказать, что отдельные термины “Земли и господства” порождены “языком времени”⁷⁹. Гораздо важнее было реконструировать *изнутри* функцию, которую они выполняли в этом главном труде Бруннера. Поэтому в первую очередь моя критика относилась не к самому факту заимствования им выражений, обремененных нацистскими политическими коннотациями, а к тому, как он их усваивал и применял в контексте историографической практики⁸⁰.

Речь, таким образом, идет о “рассмотрении изнутри” [позиции] медиевиста, а не о “внешней истории науки”, которая ставит своей задачей изучение роли научной практики в контексте господства национал-социализма. Такое рассмотрение историка “изнутри” может пролить свет на некоторые обстоятельства – например, на активное усвоение им в научной работе “обусловленных временем понятий”. Но многое при таком подходе остается вне поля зрения и упускается. Предпочтение, следовательно, стоило бы отдать такой истории науки, которая воздает должное обоим, комплементарным по отношению друг к другу, ракурсам рассмотрения и не исчерпывается поиском интеллектуальных предтеч или, наоборот, “охотой на ведьм” внутри специальности, но также и не довольствуется простым “внешним” упорядочиванием часто обманчивых программных заявлений⁸¹ и извлечением политических лозунгов из историографических работ.

Другая оговорка обусловлена тем, что в фокусе исследования оказалась работа одного единственного автора. Нужно основательнее изучать роль усвоения понятий и фигур мышления нацистского периода в исторической науке и роль возможного использования “внешних обстоятельств времени” в процессах

смены иерархии внутри цеха немецких историков, что, однако, выходит за рамки моей задачи и компетентности. В этом смысле результаты моего исследования еще нуждаются в более точной контекстуализации. Но чтобы обозначить место избранного здесь подхода и отчетливо показать вытекающие из него следствия, в заключение нужно сопоставить его с некоторыми расхожими способами интерпретации и методами исследования.

HISTOIRE TOTALE И ТОТАЛИТАРНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В недавних попытках представить Бруннера как предтечу *histoire totale* затушевываются существенные различия между конкурирующими точками зрения на то, как понимать тотальность⁸². Недостаточно указать на факт сочетания различных дисциплин в традиции немецкой “истории земель (*Landesgeschichte*)”, чтобы доказать близость Бруннера и тогдашней “истории народа (*Volksgeschichte*)” к основателям “Анналов” Марку Блоку и Люсьену Февру⁸³. Ведь смысл *histoire totale* не в каком-то иллюзорном полном охвате действительности прошлого. Главное в ней – “тотальность” как взаимосоотнесенность различных *аспектов*⁸⁴. Однако именно эту множественность аспектов (*Aspektivität*) “мышление в категориях конкретных порядков” ликвидирует⁸⁵. Бруннер прямо заявляет, что “конкретные порядки” – это альтернатива попыткам его современников изучать историю с помощью социологического понятия “взаимозависимость”⁸⁶.

У национал-социалистического правового мышления Бруннер перенял и отказ от “разделяющего мышления (*Trennungsgedenken*)”⁸⁷, якобы господствовавшего с XIX в. При этом он, кажется, перестарался со своей критикой, отрицающей возможность различия между государством, обществом и экономикой в европейских обществах до эпохи Современности. По его мнению, не только разделение государства и общества было неведомо Средневековью: в “напряженных отношениях между государством и обществом, индивидом и объединением, бытием и долженствованием, природой и духом, правом и властью” Бруннер сумел усмотреть не что иное как простое “отражение внутренней расщепленности мира Нового времени”⁸⁸. Отрицание всех этих различий имеет мало общего с *histoire totale*, а напротив, представляет собой скорее вариант тоталитарной истории⁸⁹.

Если Бруннер, таким образом, отвергает как многоаспектность исторического исследования, так и обусловленность его

социальной локализацией, – то остается вопрос, каково же то “целое”, о котором он грезит? В чем состоит единство этого “целого”?

“Но ключевой пункт, из которого объединение людей видится как целое, – это его судьба, это политика, это вопрос о внутреннем порядке, который делает возможным дальнейшее существование объединения людей. Таким образом, всякая истинно историческая постановка вопроса носит историко-политический характер. [...] Этой нацеленной на внутренние связи всего объединения историко-политической точкой зрения определяется также и отношение историка к настоящему. Для него речь идет не об историческом генезисе отдельных явлений или сфер деятельности, а об историческом становлении собственно мира, *конкретных объединений (Verbände) народа и государства*, в которых он состоит. С этой позиции должен ставиться вопрос о значении исторических единств (Einheiten) прошлого для современности”⁹⁰.

Если еще не ясно, что подразумевается под этой “историко-политической точкой зрения”, Бруннер объясняет наглядно:

“История поселений – это, определенно, в значительной степени экономический процесс, но если ее рассматривать как целое, то она представляет собой расширение жизненного пространства народа, и в плане ее движущих сил ее можно понять только с общеисторической точки зрения”⁹¹.

Такое представление о целом лежит в основе всех работ Бруннера. Я не вижу, каким образом оно может привести к истории структур⁹². Если же несмотря ни на что Бруннера изображают провозвестником истории структур, то тут зачастую налицо смешение слова и понятия⁹³. При ближайшем рассмотрении метода работы Бруннера обнаруживается, что он отнюдь не говорит о “структуре” в том смысле, который можно привести в соответствие с употреблением этого понятия, например, в функционалистской социологии, структурной антропологии и т.д. Речь у него на самом деле идет о “конкретном порядке”, также иногда описываемом как “внутреннее строение объединения”. Ирония судьбы заключается в том, что смешение слова и понятия как основная характеристика метода Бруннера в “Земле и господстве” удваивается в истории этой книги и ее переработки и в конечном итоге еще раз повторяется в истории историографии⁹⁴.

ОТТО БРУННЕР И КАРЛ ШМИТТ:
ВЛИЯНИЕ И УСВОЕНИЕ

На влияние Карла Шмитта на Отто Бруннера в последнее время многократно указывалось. При этом остается невыясненным, каким образом Бруннер усваивал перенятые у Шмитта конструкции и какую роль они играют в его работе. Хотя Бруннер охотно воспроизводил у себя нападки Шмитта на позитивизм, в других случаях он, однако, остерегался перенимать сделанный Шмиттом анализ потестарных отношений.

Столько неприкрытой власти и откровенной борьбы за власть, как у Шмитта, в бруннеровском Средневековье не должно было быть. Ведь у него там над людьми царило германское право – представление, которое Шмитту явно всегда было совершенно чуждым. Отношение “друг/враг”, как пишет Бруннер, является “основополагающей категорией германской древности и Средневековья”. Однако он хочет показать, что это отношение “исходит от друга, а не от врага”⁹⁵. Когда, например, Карл Шмитт без прикрас изображает связь между “защитой и повиновением”, а “защиту” связывает с покровительством (Protektion) и протекторатом⁹⁶, становится хорошо видно, в чем Бруннер отклоняется от Шмитта. Хотя он перенимает общую конструкцию Шмитта, она плавает у него в сладеньком сиропе благих пожеланий: отношения между господином и подчиненными ему крестьянами он описывает как построенные на взаимности и аналогичные отношениям на других уровнях социальной организации. При этом он не учитывает ни разницу между объемами власти, которой обладали действующие лица, ни структуру отношений зависимости между ними⁹⁷. Шмитт же, напротив, недвусмысленно подчеркивает, что в каждом конкретном случае природу отношений между людьми определяет соотношение сил между ними, а не надуманная “сущность” господства, так что о “подлинной обоюдности и взаимности” можно говорить только применительно к отношениям между теми, кто более или менее равны друг другу по силе⁹⁸.

Таким образом, констатировать факт внешнего “влияния” Карла Шмитта на Бруннера недостаточно⁹⁹. Речь идет в большей степени об активном усвоении, в ходе которого многое из того, что Шмитт безжалостно называет своими именами, Бруннер отбрасывает, затуманивает и смешивает с представлениями, несовместимыми с представлениями самого Шмитта, например о германском “праве, основанном на убежденности”

(Überzeugungsrecht)¹⁰⁰. Благодаря этому возникает та своеобразная смесь реализма и благолепия, которая характерна для книги Бруннера. Своими важными выводами она обязана тому обстоятельству, что в некоторых случаях автор оказался способен отчетливо распознать центральную роль насилия и власти в позднее Средневековье, однако взгляд тут же снова затуманивается елейными описаниями предписанных установок и повторяющимся, как заклинание, упоминанием “конкретных порядков”.

ЛЕГИТИМИРУЮЩАЯ НАУКА?

Если доказать “избирательное сродство” главной книги Бруннера с фигурами мышления, способами рассмотрения, словоупотреблением, свойственными национал-социализму, это еще не даст точного определения ее функции. Разумеется, данный вид историографии придавал системе определенную респектабельность. Но шла ли при этом речь также и о легитимации? Это зависит от того, из какого понятия легитимации исходить. По большому счету, следовало бы задаться вопросом, насколько нацистам вообще важна была легитимация (в строгом смысле слова) их господства. Конечно, им важно было в тех или иных случаях оправдать отдельные шаги; но понятие легитимации подразумевает нечто гораздо большее. Система, вероятно, никогда не захотела бы заплатить ту цену, в которую обошлось бы ей создание всеохватной легитимационной базы. Поэтому всякая попытка описывать национал-социалистическую историографию под таким углом зрения должна начинаться с поиска ответа на встречный вопрос: нужна ли была нацистам на самом деле историческая наука? Не предпочли бы они ограничиться несколькими послушными писаками и хронистами? Разве не указывает именно на такое положение вещей неудача, постигшая Вальтера Франка, равно как и другие неудавшиеся попытки дать не ведающей меры системе господства скроенную по мерке философию или юриспруденцию? Поэтому гораздо более важным и имеющим роковые последствия представляется мне выхолащивание всякой легитимации “мышлением в категориях конкретного порядка” и ему подобными конструктами, в которое работа Бруннера тоже внесла свою лепту. Долговременным результатом такой историографии стало то, что общепринятыми сделались расплывчатое словоупотребление и связанный с ним взгляд на общество – нынешнее или прежнее, – который не может и не хочет отличать нормативное

от фактического, чем значительно облегчает признание фактических потестарных отношений¹⁰¹.

На вопрос о причинах неослабевающего резонанса, вызванного “Землей и господством”, и канонизации этой книги в послевоенное время, здесь невозможно дать убедительного ответа. Рассмотрение самого текста может способствовать этому тоже лишь в ограниченной мере. Я удовольствуюсь лишь несколькими замечаниями.

Результатом переноса Бруннером мнимого “языка источников” в метаязык исторического анализа стала многозначность понятий, усилившаяся за счет повторной переработки “Земли и господства”, и она весьма облегчила рецепцию этого его главного труда. Можно без конца всякий раз удивляться тому, что же читатели полагают найти в этой книге? Дело отчасти еще и в том, что точку зрения Бруннера легко можно спутать с точкой зрения источников, иными словами, трудно различить, когда он якобы передает содержание исторических текстов, а когда излагает собственный анализ социальных отношений прошлого.

Амбивалентность позиции Бруннера благоприятствовала позднейшим перетолкованиям его теории и таким образом способствовала ее канонизации. Уже в 1943 г. историк права Карл Зигфрид Бадер интерпретировал выводы Бруннера в том смысле, что в них был верно распознан договорный характер отношений между крестьянами и их господами¹⁰². Это привело к тому, что в послевоенный период распространилась фатальная смесь из тезисов Бруннера, сформулированных под знаком отказа от всякого формального юридического рассмотрения (пусть часто и остававшихся во власти именно этого подхода) и реанимированных построений истории права¹⁰³. Так концепция Бруннера, изображавшая уособицу как правомерный институт, отождествлявшая нормативное государственное устройство (*Verfassung*) с тем, в каком виде оно существовало в действительности (*Verfassungswirklichkeit*), и не разделявшая право и власть, приобрела более “цивилизованный” и “юридический” характер, причем Бруннер, насколько я могу судить, не протестовал против этого. Его попытка включить себя в “имплицитную генеалогию социальной истории в ФРГ”¹⁰⁴, сделала картину его прежних воззрений еще более размытой.

Созданный Бруннером образ Средневековья был воспринят не вопреки его якобы новаторскому характеру, а именно потому, что он так легко укладывался в существующие фигуры мышле-

ния и образы истории. Взять, например, образ темного, архаического Средневековья: достаточно было только убрать внешние признаки восхищения и забыть про желание возвратиться в это воображаемое Средневековье, чтобы сам этот образ в основных его чертах (пусть и с обратным знаком) принять. Древняя Европа Бруннера еще лучше вписывалась в то упрощенное противопоставление “модернизированного” и “традиционного” общества, от которого, почти без сомнений и проверок, отправлялись течения, доминировавшие в 50–60-е годы в социологии, истории и антропологии. Также и поэтому работа Бруннера сумела оказать стойкое воздействие на западногерманскую традицию истории понятий. Однако здесь мы не будем говорить об этом подробно.

Включение Отто Бруннера в галерею родоначальников социальной истории послевоенного времени – палка о двух концах: если представить его труд в свете устоявшейся, главенствующей традиции, это может способствовать его посмертной реабилитации. Вместе с тем, только тогда и будет замечена та длинная тень, которую отбрасывает его наследие на всю эту традицию.

История понятий, используемых в тексте “Земли и господства”, заставляет взглянуть на саму книгу с долей иронии. В основе ее переработки для четвертого издания (1959) лежит допущение, имеющее конститутивное значение для пропагандируемого и практикуемого в ней варианта истории понятий: значение приковано к каждому “понятию”, так что достаточно рассмотреть изолированно эти отдельные “понятия” и выяснить их “значение”, чтобы реконструировать определенное видение социального мира. Если следовать такой логике, данный метод годится и для переделки книги в послевоенное время: достаточно заменить обремененные нацистскими идеологическими коннотациями выражения другими, чтобы стереть в тексте следы “языка времени”. То, что при этом главные аргументы и структура книги, даже отдельные тезисы, как правило, остаются без изменений, стало быть, значения не имеет.

Однако данная операция ведет к неразрешимым апориям. Если считать ее успешной, смущает то, с какой легкостью удалось в кратчайшие сроки произвести замену одних “основных понятий” на другие: ведь если основные понятия столь легко можно изменить, многое ли они меняют на самом деле? Со своей стороны, Бруннер утверждал в предисловии к четвертому изданию “Земли и господства”, что “в основе своей характер книги остался без изменений”¹⁰⁵. Если это, в свою очередь, верно, то

встают принципиальные вопросы к пропагандируемому в книге методу, основанному на истории понятий. Как может сохраняться значение книги, если ее “основные понятия” заменены другими? Может быть, это значение формируется все же на ином уровне организации языка? История этой исторической книги, таким образом, принципиально ставит под сомнение некоторые из ее основных тезисов, и *mutatis mutandis* эта проблема касается всей западно-германской традиции “основных исторических понятий”, которая, как кажется, разделяет некоторые из основных допущений “Земли и господства”¹⁰⁶.

Перевод с немецкого М.А. Арнаутовой

¹ Автор выражает благодарность за критические указания участникам дискуссионной секции “История как легитимирующая наука?” конгресса историков в Лейпциге (1994) и на конференции “Исторический дискурс IV: Кризисное сознание и инновации, 1880–1945” в Центре междисциплинарных исследований в Билефельде (1996). Особенная благодарность за критику и конструктивные предложения – С. Бертрам, Д. Динеру, Д. Хеллер, Л. Кухенбуху, О.Г. Эксле и П. Шёттлеру; сердечная благодарность также Э.Бертрам за помощь в получении некоторых публикаций.

² *Brunner O. Politik und Wirtschaft in den deutschen Territorien des Mittelalters // Vergangenheit und Gegenwart. 1937. Bd. 27. S. 405–422* (особенно примеч. 2). На этом конгрессе Вальтер Франк попытался навязать цеху историков свою позицию (т.е. превратить этот конгресс, единственный за всю историю Третьего Рейха, в демонстрацию поддержки национал-социалистического режима – примеч. пер.). Именно в этом контексте Ховард Камински и Джеймс Ван Хорн Мелтон предложили рассмотреть доклад Бруннера; см. их “Предисловие” к переводу книги Бруннера: *Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction // Brunner O. “Land” and Lordship: Structures of Governance in Medieval Austria / Ed. and transl. H. Kaminsky, J.V.H. Melton. Philadelphia, 1992. P. XIII–LXI* (здесь с. XLVII, примеч. 10).

³ *Brunner O. Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. Wien, 1939*. Переработанное четвертое издание вышло в 1959 г. и с тех пор издается без изменений, поэтому цитаты далее приводятся по пятому изданию: *Brunner O. Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. 5. Aufl. Wien, 1965*.

⁴ В предисловии к четвертому изданию (1959) Бруннер пишет, что ему удалось “осуществить в некоторых местах сокращения и заменить устаревшую литературу указаниями на вышедшие в последнее время работы”; “в основе своей характер книги” все же “остался без изменений” (с. VII). Только в конце второй части он сделал в виде примечания добавление, что выражение “история структур” (*Strukturgeschichte*) представляется ему наиболее подходящим, “поскольку оно в наименьшей степени способно вызвать недоразумения”: “А они неизбежны при таких терминах, как история народного порядка (*Geschichte der Volksordnung*), социальная история (*Sozialgeschichte*), история

государственного устройства в широком смысле (Geschichte der Verfassung), прежде употреблявшихся также и мною". (*Brunner O.* Land und Herrschaft. 5. Aufl. Wien, 1965. S. 164, Anm. 1).

⁵ *Dipper Ch.* Otto Brunner aus der Sicht der frühneuzeitlichen Historiographie // *Annali dell'Instituto storico italo-germanico in Trento.* 1987. Vol. 13. P. 73–96 (P. 88).

⁶ *Blickle P.* Otto Brunner, 1898–1982 // *Historische Zeitschrift.* 1983. Bd. 236. S. 779.

⁷ *Kosellek R.* Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // *Sozialgeschichte in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang /* Hg. von W. Schieder, V. Sellin. Göttingen, 1986. Bd. I. S. 89–109 (S. 108–109, Anm. 4). Но не было недостатка также и в критических отзывах: *Braudel F.* Sur une conception de l'histoire sociale // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations.* 1959. Vol. 14. P. 308–319; *Nicholas D.* New Paths of Social History and Old Paths of Historical Romanticism // *Journal of Social History.* 1969. Vol. 3. P. 277–294; *Kuchenbuch L.* Vorbemerkung // *Feudalismus – Materialien zur Theorie und Geschichte /* Hg. von L. Kuchenbuch, B. Michael. Frankfurt a.M.; Berlin; Wien, 1977. S. 145–154 (особенно с. 147–148); *Wehler H.-U.* Geschichtswissenschaft heute: Stichworte zur "geistigen Situation der Zeit". Frankfurt a.M., 1980. Bd. II. S. 725. Критический анализ дискуссий вокруг работы Бруннера, имевших место до 1984 г., а также важные новые подходы см.: *Oexle O.G.* Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte: Anmerkungen zum Werk Otto Brunners // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1984. Bd. 71. S. 305–341. Ссылки на более поздние публикации см. в предисловии к английскому переводу книги Бруннера: *Kaminsky H., Melton J.V.H.* Translators' Introduction. Также: *Troßbach W.* Das "ganze Haus" – Basiskategorie für das Verständnis ländlicher Gesellschaft deutscher Territorien in der frühen Neuzeit? // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1993. Bd. 129. S. 277–314; *Melton J.V.H.* From Folk History to Structural History: Otto Brunner (1898–1982) and the Radical-Conservative Roots of German Social History // *Paths of Continuity: European Historiography from the 1930s to the 1950s /* Ed. H. Lehmann, J.H.V. Melton. Cambridge, 1994. P. 263–292; *Opitz C.* Neue Wege der Sozialgeschichte? Ein kritischer Blick auf Otto Brunners Konzept "ganzen Hauses" // *Geschichte und Gesellschaft.* 1994. Bd. 20. S. 88–98; *Groebner V.* Außer Haus. Otto Brunner und die "alteuropäische Ökonomik" // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* 1995. Bd. 46. S. 69–80.

⁸ Камински и Мелтону они кажутся легкоустранимыми: Бруннер, как они пишут, придал своей книге "внешние признаки национал-социалистического новаторского подхода", «приправив "модными лозунгами" и дав заключение в духе германского нового порядка" [...] В четвертом издании он сумел избавиться от "модного жаргона", не повлияв на ее суть» (*Kaminsky H., Melton J.V.H.* Translators' Introduction. P. XLII).

⁹ См. ссылку на Отто Хёфлера, где Бруннер выражает свое согласие с его концепцией: «В своей работе "Проблема германского континуитета" ("Das germanische Kontinuitätsproblem", 1937) Хёфлер указывал на континуитет расы, языка, который в то же время является континуитетом форм мышления, и на континуитет ключевых форм народного порядка (Volksordnung). К ним мы можем добавить континуитет земли и господства, империи, которая изначально является формой королевского господства, подобно территориальному господству (Landesherrschaft) и господству над городом и

- поместьем». (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 510). Об отzyвах Бруннера, несколько критических, по поводу работ Лили Вайзерс и Отто Хёфлера, где обсуждаются древнегерманские мужские союзы, а также его собственный взгляд на команды юношей, воинские союзы мужчин, на инициацию, использование звериных масок, образ Водана как предводителя дикой охоты и на позднесредневековых наемников см.: Там же. С. 112–115.
- ¹⁰ Ср.: *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 269–270. Многие, правда, зависят от того, как истолковывать понятие “народ (Volk)” у Бруннера. В 1939 г. в одной программной статье он пишет об этом: «“Народ” здесь [...] действительность, кровная и расовая, которая живет в конкретном народном порядке (Volksordnung) и осознает свое единство в переживании народной общности (Volksgemeinschaft). Благодаря своему государству народ превращается в правоспособное и дееспособное единство; партия является носителем его политической воли, вермахт – это вооруженный народ. Тем самым разделение государства и общества упраздняется. Народ, в частности народная общность и вожди (Volksgemeinschaft und Führung), являются центральными понятиями государственного устройства (Verfassung)» (*Brunner O. Moderner Verfassungsbegriff und mittelalterliche Verfassungsgeschichte // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 1939. Ergänzungsband 14. S. 513–528 (S. 517)).
- ¹¹ О других его работах этого сказать нельзя. См.: *Oberkrome W. Volksgeschichte: Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945*. Göttingen, 1993. S. 148–149. Ср. также: *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 269–270.
- ¹² *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 398, 455. В заключении к книге он пишет, что хотя возвращение в Средневековье невозможно, “но политические понятия Третьего Рейха, вожди (Führung) и народная общность (Volksgemeinschaft), в конечном счете следует понимать только исходя из их германских основ” (*Ibid.* S. 512).
- ¹³ Поэтому в дальнейшем я не буду стремиться определить политические взгляды Бруннера. О его политической позиции и высказываниях см.: *Jütte R. Zwischen Ständestaat und Austrofaschismus: Der Beitrag Otto Brunners zur Geschichtsschreibung // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*. 1984. Bd. 13. S. 377–362; *Schönwälder K. Historiker und Politik: Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus*. Frankfurt a.M.; N.Y., 1992. S. 126–130; 234–237 passim; *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 266–272; 287–288.
- ¹⁴ Подобное разделение лежит, например, в основе работ Клауса Шрайнера, который пишет об “уступках Бруннера политическому духу времени”: *Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters nach 1945: Kontinuitäten und Diskontinuitäten der Mittelalterforschung im Geteilten Deutschland // Deutsche Geschichtswissenschaft nach dem zweiten Weltkrieg (1945–1965) / Hg. von E. Schulin*. München, 1989. S. 87–146 (S. 137). Поэтому Шрайнер причисляет Бруннера к тем историкам, которые “в интерпретациях делали уступки современным им идеалам, не поступаясь наукой ради идеологизации”. (*Idem. Führertum, Rasse, Reich: Wissenschaft von der Geschichte nach der nationalsozialistischen Machtübernahme // Wissenschaft im Dritten Reich / Hg. von P. Lundgreen*. Frankfurt a.M., 1985. S. 163–252 (S.208). Шрайнер полагает, что способен различать в работе Бруннера “методически осмысленную передачу фактов” и “формирование исторических суждений”, и пытается установить “противоречие между основанной на источниках констатацией и обуслов-

- ленной временем интерпретацией исторических фактов” (*Idem. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters...* S. 140). Критику этой позиции см.: *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte.* S. 327.
- ¹⁵ Ср.: *Boldt H. Otto Brunner: Zur Theorie der Verfassungsgeschichte // Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento.* 1987. Vol. 13. P. 39–62 (P. 50–51). В целом о проблеме см.: *Oexle O.G. Das Mittelalter und das Unbehagen an der Moderne: Mittelaltersbeschwörungen in der Weimarer Republik und danach // Spannungen und Widersprüche: Gedenkschrift für František Graus / Hg. von S. Burghartz u. a. Sigmaringen,* 1992. S. 125–153.
- ¹⁶ *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte.* S. 319–320. Ср. также с позднейшей работой Шмитта: *Schmitt K. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum.* Köln, 1950. S. 90, 98, 123–125. (рус. перевод: *Шмитт К. Номос Земли.* М., 2008. – *Примеч. пер.*).
- ¹⁷ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965).* S. 132–133.
- ¹⁸ “...Напомним о том, что *право* в средневековом смысле – это стоящий над людьми, освященный религиозно порядок”. (*Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965).* S. 262; см. также с. 140, 359, 400). Ср.: *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939).* S. 162, 505.
- ¹⁹ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965).* S. 346, 71, 293. Критику см.: *Graus F. Verfassungsgeschichte des Mittelalters // Historische Zeitschrift.* 1986. Bd. 243. S. 529–589 (S. 554–555).
- ²⁰ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965).* S. 140.
- ²¹ Здесь у Бруннера в примечании дается ссылка на работу, оставшуюся мне недоступной: *Schwerin C. von. Der Geist des altgermanischen Rechts // Germanische Wiedererstehung / Hg. von H. Nollau.* Heidelberg, 1926. S. 205 ff.
- ²² *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965).* S. 139–140 = *Idem. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939).* S. 165–166 со ссылкой на работу Г. Миттайса: *Mitteis H. Rechtsgeschichte und Machtgeschichte // Wirtschaft und Kultur: Festschrift zum 70. Geburtstag von Alfons Dopsch / Hg. von G. P. Bonetti.* Baden bei Wien; Leipzig, 1938. S. 547–580; *Hugelmann K.G. Das deutsche Recht // Das Mittelalter / Hg. von O. Brunner.* Leipzig, 1930. S. 217. (Употребленный здесь Бруннером древнегерманский термин *ēwa* (ahd.) означает “закон, обычай”; имеет общий индоевропейский корень со словом *ewig* (ahd.) – вечный. – *Примеч. пер.*).
- ²³ По мнению Г. Миттайса, историк сталкивается в Средние века с “противоречиями между тем, как должно быть и как есть, между властью и правом или же между различными правовыми принципами, которые часто сосуществуют, не будучи никак между собою связаны”; неистовая борьба “внутри некоторых средневековых правовых институтов” историку “невольно напоминает о современности”. (*Mitteis H. Op. cit.* S. 554). Текст Миттайса, конечно, в высшей степени противоречив. В том месте, на которое ссылается Бруннер, он повторяет распространенную мысль о том, что “немецкое право следует назвать, скорее, правом, основанным на убежденности, а не на обычае” (*Ibid.* S. 566), и в том же абзаце даже утверждает: “В сущности это одно и то же, принимает ли решение судебная община (*Urteilergemeinde*) или вождь (*Führer*). В формировании его воли тоже проявляется общая воля” (*Ibid.* S. 565). Однако в первом абзаце он старается во всех подробностях доказать, что в условиях “большой и едва ли преодолимой напряженности” в высокое Средневековье теория о праве, основанном на убежденности, вряд ли может быть актуальна. В виде исключения он соглашается с тем, что “эта традиционная связанность общей правовой убежденностью в какой-то мере сохранялась лишь в немногих

- замкнутых правовых сферах, например, в среде крестьянства”, – высказывание, которое он, со своей стороны, сильно смягчает ссылкой на работы Альфонса Допша, Эрны Патцельт и Германа Виснера. Об образе средневекового права у Миттайса см.: Там же. С. 556 и примеч. 48 ниже.
- ²⁴ За усобицей стоит, по мнению Бруннера, “одна из сильнейших нравственных сил общественной жизни – страстное правовое чувство каждого отдельного члена объединений (Verbände)” (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 130).
- ²⁵ См.: *Algazi G. “Sie würden hinten nach so geil”*: Vom sozialen Gebrauch der Fehde im 15. Jahrhundert // *Physische Gewalt: Studien zur Geschichte der Neuzeit* / Hg. von A. Lüdtkе, Th. Lindenberger. Frankfurt a.M., 1995. S. 39–77 (особенно с. 47–52).
- ²⁶ См.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren im späten Mittelalter*. Frankfurt a.M., 1996. S. 135–167.
- ²⁷ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 22 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 11.
- ²⁸ По замыслу Бруннера, в статье приводятся “некоторые данные” об усобице в позднесредневековой Австрии “из одного австрийского архива знатной семьи, позволяющие показать, что с этой стороны проблема видится совсем иначе, нежели предполагалось прежде” (*Brunner O. Beiträge zur Geschichte des Fehdewesens im spätmittelalterlichen Österreich // Jahrbuch für Landeskunde Niederösterreichs*. 1929. Bd. 22. S. 431–507. Ср. также с вводными замечаниями на с. 431).
- ²⁹ Мелтон и Камински, по-моему, правы, когда называют концепцию Бруннера “глубоко аристократической конструкцией”. К этому следует добавить, что у Бруннера, кажется, государство ни в коем случае не играет центральной роли, тогда как, например, у Эрнста Роберта Хубера в центре стоит “тотальное государство”, “тотальность” (см. ниже примеч. 38 и 86). Их попытка принизить роль “народа” и “народного порядка” в “Земле и господстве” или задним числом сделать ее непротиворечивой имеет под собой слабые основания. (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators’ Introduction*. P. XLII). Описанная здесь трансформация – превращение специфически аристократической точки зрения на социальные отношения в размытое “свойственное эпохе сознание” – стала возможной именно благодаря использованию “мышления в категориях конкретного порядка” и “народных (völkische)” фигур мышления. В этом отношении Бруннера можно причислить, скорее, к весьма уязвимым для критики сторонникам “консервативной революции”. В дальнейшем, однако, речь пойдет не о его эксплицитно выраженной политической точке зрения или ее непосредственном, неприкрытом перенесении на эпоху Средневековья (например, когда речь заходит о “Германской империи” или о “немцах, живущих за границей и в приграничных районах” (*Auslands- und Grenzdeutsche – специфическое для периода между двумя мировыми войнами понятие для обозначения этнических немцев, также и без германского гражданства, проживающих в других странах и в областях, отчужденных у Германии после поражения в Первой мировой войне. Они были отдельным предметом внимания нацистской пропаганды. – Примеч. пер.*)), а о существенных сходствах на уровне фигур мышления и аналитических процедур.
- ³⁰ Мелтон предпринимает отчаянную попытку провести параллели между изображением усобицы Бруннером и работами Н.З. Дэвис, Р. Дарнтон или Э.П. Томпсона (*Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 275).

- Однако я не вижу повода утверждать, будто бы Бруннер “раскодировал” феодальную усобицу, попытался раскрыть “лежащую в ее основе рациональность”. Об этом подробнее: *Algazi G.* “Sie würden hinten nach so geil”: Vom sozialen Gebrauch der Fehde... S. 50–51.
- ³¹ Прекрасный пример тому – работа: *Keen M.* The Laws of War in the Later Middle Ages. L., 1965.
- ³² Ср. с замечаниями по этому поводу Ф. Грауса: *Graus F.* Verfassungsgeschichte des Mittelalters. S. 587.
- ³³ На примеры подобной переработки текста “Земли и господства” при последующих переизданиях книги уже многократно указывали исследователи, например, Л. Кухенбух (*Kuchenbuch L.* Vorbemerkung) или К. Шрайнер (*Schreiner K.* Führertum, Rasse, Reich. S. 209–210).
- ³⁴ *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. Hamburg, 1934; *Rüthers B.* Entartetes Recht: Rechtslehren und Kronjuristen im Dritten Reich. 2. Aufl. München, 1984. S. 63–75; *Diner D.* Rassistisches Völkerrecht: Elemente einer nationalsozialistischen Weltordnung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. Hf. 37. S. 23–56 (особенно с. 24–27); *Grimm D.* Die “Neue Rechtswissenschaft”: Über Funktion und Formation nationalsozialistischer Jurisprudenz // Wissenschaft im Dritten Reich / Hg. von P. Lundgreen. Frankfurt a.M., 1985. S. 31–54 (особенно с. 36–40); *Weitzel J.* Sonderprivatrecht aus konkretem Ordnungsdenken: Reichserbhofrecht und allgemeines Privatrecht 1933–1945 // Zeitschrift für neuere Rechtsgeschichte. 1992. Bd. 14. S. 55–79 (особенно с. 60–64). В дальнейшем я воздержусь от рассмотрения различных вариантов “мышления в категориях конкретного порядка” (например, у Карла Ларенца), чтобы сконцентрироваться на той версии, которая является для Бруннера определяющей.
- ³⁵ *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 71.
- ³⁶ *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 20; *Rüthers B.* Op. cit. S. 65–66.
- ³⁷ *Schmitt C.* Op. cit. S. 19.
- ³⁸ *Boldt H.* Deutsche Verfassungsgeschichte. München, 1990. Band II: Von 1806 bis zur Gegenwart. S. 270. “Новое государство”, как писал, например, Хубер в 1935 г. в своей программной статье, динамично, оно – “историческая воля, постоянно обновляемые политические решение и действие”, которые рождаются в недрах “живого порядка”. Политика “исходит из живого образа – народа” (*Huber E.R.* Die deutsche Staatswissenschaft // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1935. Bd. 95. S. 1–65 (S. 29–30)). Удивительно, но у Анны Люббе Хубер упоминается как один из тех историков-государственников, “у которых не прозвучало однозначных признаний в том, что лейтмотивом их научной деятельности была национал-социалистическая идеология” (*Lübbe A.* Die deutsche Verfassungsgeschichtsschreibung unter dem Einfluß der nationalsozialistischen Machtergreifung // Rechtsgeschichte im Nationalsozialismus: Beiträge zur Geschichte einer Disziplin / Hg. von M. Stolleis, D. Simon. Tübingen, 1989. S. 63–78 (S. 72)).
- ³⁹ “Условия жизни, поскольку они носят общественный характер, уже в силу этого являют собой большее, нежели “просто данность (Faktizität)”; поэтому они содержат эталон для поведения индивида, который находится в этих условиях” (*Larenz K.* Über Gegenstand und Methoden des völkischen Rechtsdenkens. Berlin, 1938. S. 27. Цит. по: *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 65). См. также: *Grimm D.* Die “Neue Rechtswissenschaft”. S. 37.

- ⁴⁰ *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 71–75. Также и Юрген Вайтцель ссылается на позицию Франца Виакера, «который описал “порядок” в национал-социалистическом смысле как “целостность конкретного народного (völkisch) особого круга людей, владений или территории и поставленных задач»». Право он рассматривал “не как регулятор [общественных отношений], а как выражение основополагающей народной законности (völkische Grundgesetzlichkeit)”. Задача состояла в том, чтобы обнаружить “целостности”, в которых “присутствует и становится видимой народная жизнь и в которых поэтому право тождественно бытию уже до того, как позитивными правилами создается норма” (*Wieacker F.* Eigentum und Eigen // *Deutsches Recht.* 1935. S. 495–501 (496–501). Цит. по: *Weitzel J.* Sonderprivatrecht aus konkretem Ordnungsdenken. S. 62).
- ⁴¹ *Diner D.* Rassistentes Völkerrecht. S. 24–27, 36.
- ⁴² *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 10. В противоположность этому, как он полагает, есть народы, “которые существуют без земли, без государства, без церкви, только “в законе”; им мышление в категориях норм представляется единственно разумным правовым мышлением, а всякий другой вид мышления кажется непонятым, мистическим, фантастическим или смешным”. Здесь Шмитт имеет в виду евреев, как он прямо говорит в другом месте: со средневековым “мышлением в категориях конкретных порядков” было “покончено как с неюридическим и ненаучным” прежде всего вследствие рецепции римского права; к этому в XIX в. добавилось “нашествие еврейского пришлого народа (Gastvolkes)”. “Еврей” мыслит в категориях норм, поскольку он “живет только в законе и в норме”, и как чужак “видит право народа, у которого он гостит, в категориях норм и лишь под углом зрения правовой защищенности. Ведь он не причастен к той действительности народа, среди которой живет”. (*Schmitt C.* Nationalistisches Rechtsdenken // *Deutsches Recht: Zentral-Organ des Bundes Nationalsozialistischer Deutscher Juristen.* Bd. 4, Nr. 10 (25. 05. 1934). S. 225–229 (S. 226). Ср.: *Diner D.* Rassistentes Völkerrecht. S. 33.
- ⁴³ *Emig K.* Der Begriff der Verfassung im heutigen deutschen Recht // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1935. Bd. 95. S. 463–482 (S. 473). См. также позитивный отзыв К. Шмитта о книге Бруннера, в которой, по его словам, “государство изображено как конкретное, связанное с исторической эпохой понятие”. (*Schmitt C.* Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924–1954: Materialien zu einer Verfassungslehre. 3. Aufl. Berlin, 1958 (ND 1985). S. 375–385 (S. 384). Об образе Средневековья у самого Шмитта см. также его работу: *Schmitt C.* Nationalistisches Rechtsdenken. S. 226.
- ⁴⁴ См., например: *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 11, 163, 271, 506, а также цитату из примеч. 10. Ср.: *Idem.* Politik und Wirtschaft... S. 421 (примеч. 14, которое повторяется в “Земле и господстве” как примеч. 11 на с. 139).
- ⁴⁵ *Brunner O.* Politik und Wirtschaft... S. 412.
- ⁴⁶ *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 506.
- ⁴⁷ *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem.* Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440.
- ⁴⁸ С небольшой оговоркой: “Но подобно тому, как в современном государстве Средневековье не возвращается в неизменном виде, сегодняшние понятия также часто можно использовать только в смысле аналогий или сравнения”. (*Mitteis H.* Rezension zu Otto Brunner, Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939) //

- Historische Zeitschrift. 1941. Bd. 163. S. 255–281 (ND: Herrschaft und Staat im Mittelalter / Hg. von H. Kämpf. Darmstadt, 1960. S. 20–65 (S. 40 ff)). Позиция Миттайса еще нуждается в подробном изучении. Однако мнение О.Г. Эксле (*Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte...* S. 318), будто Миттайсу “ни в коем случае нельзя приписать политическое или духовное соучастие в национал-социализме или хотя бы даже близость ему”, не выдерживает критики: см. высказывания Миттайса: Там же. С. 21, 39, 58. На с. 56 он соглашается со сравнением средневековых налогов с современной “зимней помощью” (Winterhilfe, форма благотворительной помощи вермахту в Третьем Рейхе. – *Примеч. пер.*), “вдохновляемой сознанием нравственного долга внести вклад в общее дело”. См. также: *Lübbe A. Die deutsche Verfassungsgeschichtsschreibung unter dem Einfluß der nationalsozialistischen Machtergreifung. Passim; Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters. S. 140 (примеч. 206).*
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 103–110.*
- ⁵⁰ Противоположную оценку дают Мелтон и Камински (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction. P. XLI*): “то, что принес нацистский режим в 1933 г., было, по существу, кристаллизацией, возможно, даже кризисом сознания, который поставил основополагающие вопросы в их острейшей форме. Такое ощущение, несомненно, было и у самого Бруннера” (выделено мною. – *Г.А.*).
- ⁵¹ См. подробнее: *Idem. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 460–462; Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 395–404.*
- ⁵² *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 276. Ср.: Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 241–242: «Следует задаться вопросом, что составляет сущность этого общего элемента – “господства” – и какое значение она имеет для всего комплекса сеньориальной власти в широком смысле». Тут ничего не меняет и невнятная оговорка: “Мы далеки от желания стереть различия между этими разными формами господства [над городом, над землей (Land). – *Г.А.*]. Однако различие заключается здесь не в структуре господства, а в его объекте”. См. также с. 88, 113, 258, 310, 344.*
- ⁵³ *Rüthers B. Entartetes Recht. S. 71–72; ср.: Schmitt C. Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 22; Grimm D. Die “Neue Rechtswissenschaft”. S. 39.*
- ⁵⁴ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 327 (выделено мною. – *Г.А.*).*
- ⁵⁵ *Grimm D. Op. cit. S. 44.*
- ⁵⁶ *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505 = Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440: «Средневековый территориальный властитель связан правом, которое исходит не от него одного. Его обязанность – блюсти “справедливость” в полном юридическом и нравственном смысле; его этос изложен в “княжеских зерцалах”».*
- ⁵⁷ *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505. = Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440.*
- ⁵⁸ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 343–344.*
- ⁵⁹ Поэтому представляется сомнительным, когда Козеллек пишет, что «Отто Бруннер ввел термин “история структур”, чтобы избежать обусловленной временем формулировки “история народа” (Volksgeschichte), которая, по его теоретическому замыслу, уже в 1939 г. была нацелена на изучение структур» (*Kosellek R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte. S. 108–109; примеч. 4. (выделено мною. – *Г.А.*).*)

- ⁶⁰ Ср. с попыткой Камински и Мелтона продемонстрировать близость Бруннера к истории повседневности. (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction*. P. XLIV).
- ⁶¹ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 440 (“Заклочение”).
- ⁶² *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 440.
- ⁶³ Это понятие всплывает у Бруннера в “Заклучении”. (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 510). Он позаимствовал его у Отто Хёфлера (*Höfeler O. Die Germanische Kontinuitätsproblem ...* (1937)).
- ⁶⁴ *Ibid.*
- ⁶⁵ Здесь высказывание Бруннера направлено против трактовки континуитета Альфонсом Допшем. (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 511, примеч. 11).
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ Подробнее см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren*. S. 22–29, 235–253.
- ⁶⁸ Подробную аргументацию см. там же: с. 51–96. Только предпринятый в этой работе анализ источников подвел меня к критике методов Бруннера и их предпосылок.
- ⁶⁹ *Schreiner K. Führertum, Rasse, Reich*. S. 211.
- ⁷⁰ *Kroeschell K. Haus und Herrschaft im frühen deutschen Recht*. Göttingen, 1968; *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren*. S. 97–101.
- ⁷¹ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505.
- ⁷² “Считаю, что поставленная в этой книге задача – разрушить полную противоречий и неисторичную терминологию XIX в. и разработать основы языка понятий, соответствующего реалиям и источникам (sach- und quellengemäßen Begriffssprache) – в главном решена” (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 506.). Бруннер не использует ни кавычки, ни курсив, чтобы маркировать свои понятия, поэтому трудно решить, следует ли их понимать в данном контексте как термины или концепты и приписывать ли им “историческое” или все же “современное” значение.
- ⁷³ *Brunner O. Politik und Wirtschaft*. S. 408 (выделено в оригинале); почти дословно этот фрагмент повторяется в: *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 258.
- ⁷⁴ “Все страны и народы стремятся вернуться на свою собственную почву, к своей собственной крови и к естественным порядкам, которые возникают из крови и почвы, и освободиться от искусственной надстройки общих идей. [...] Мы пересмыслим правовые понятия”. (*Schmitt C. Nationalsozialistisches Rechtsdenken*. S. 229). Ср. также: *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte*. S. 319.
- ⁷⁵ *Rüthers B. Entartetes Recht*. S. 68.
- ⁷⁶ *Brunner O. Politik und Wirtschaft*. S. 422 (выделено в оригинале).
- ⁷⁷ О резонансе, вызванном лозунгом “Schutz und Gehorsam” [защита и повиновение] в политике того времени, см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren*. S. 121–127.
- ⁷⁸ *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. (7. Aufl.). Tübingen, 1988. S. 200 (цит. по русскому изданию: *Вебер М. Избранные произведения*. М., 1990. С. 399).
- ⁷⁹ Поэтому здесь не предпринималось попыток показать полную генеалогию введенных Бруннером понятий, восходящих к другим авторам (например, к

Гунтеру Ипзену, Хансу Фрайеру и др.). См. об этом: *Dipper Ch. Otto Brunner aus der Sicht der frühneuzeitlichen Historiographie*. S. 85–88.

- ⁸⁰ В этом пункте я не могу согласиться с К. Диппером, хотя в других случаях его анализ мне вполне близок. Он иначе определяет основную проблему: “В конечном счете, главный вопрос в том, обязана ли книга Бруннера своим возникновением преимущественно внутринаучным эпистемологическим интересам или же внеаучным, т.е. в данном случае политическим ценностям эпохи между двумя мировыми войнами” (*Dipper Ch. Op. Cit.* S. 78).
- ⁸¹ Так, проведенный Эксле анализ того, как Бруннер обращается с историей понятий и понятийным аппаратом, базируется почти исключительно на методологических или программных высказываниях самого Бруннера, которые к тому же были сделаны им, как правило, в более позднее время. См.: *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte*. Passim (особенно с. 309, 325).
- ⁸² Ср.: *Oexle O.G. Was deutsche Mediävisten an der französischen Mittelalterforschung interessieren muß // Mittelalterforschung nach der Wende 1989 / Hg. von M. Borgolte*. München, 1995. S. 89–122; *Schlötter P. Das “Annales-Paradigma” und die deutsche Historiographie (1929–1939): Ein deutsch-französischer Wissenschaftstransfer? // Nationale Grenzen und internationaler Austausch: Studien zum Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa / Hg. von L. Jordan, B. Kortländer*. Tübingen, 1995. S. 200–220 (особенно с. 200–202, 216–217).
- ⁸³ Эта попытка реабилитации с отчетливостью просматривается у Камински и Мелтона. Однако они систематически путают различающиеся и противостоящие друг другу концепты “целое” и “тотальность”. Хотя авторы и цитируют одно место, где Бруннер поясняет, что для него важно понимание “земли” как “конкретного порядка” (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators’ Introduction*. P. XXIII), они, однако, не задумываются, что именно это в его понимании означало, и приписывают Бруннеру проект создания “holistik history” или “total, pan-disciplinary history” (*Ibid.* P. XXIV–XXVII). “Народная общность (Volksgemeinschaft) и вожди (Führung), – пишут они, – ныне осуждаются, но сами по себе они не были преступными принципами”. Вслед за этим идет их главный тезис, опирающийся на Мартина Брошата: “Национал-социалистический режим принес прогрессивные, конструктивные изменения во многих областях, и их историческое значение нельзя адекватно понять, если видеть в них просто функциональные элементы нацистского нового порядка, судьба которого – погибнуть среди руин собственных преступлений. Эти прогрессивные конструкции пережили 1945 год, чтобы стать частью демократического массового общества Федеративной Республики Германии (и *mutatis mutandis* прежней ГДР)” (*Ibid.* P. XLI). В этом контексте они хотят рассматривать и книгу Бруннера. Сам труд они пересказывают некритично, явно соглашаясь с ним; “дом”, например, у них – “интегральная общественная структура”: “она также включала культурный комплекс моральных, религиозных и правовых идей, *разделяемых всеми*, как духовную основу для всего остального” (*Ibid.* P. XXVIII–XXIX. Выделено мною. – Г.А.). Логично, что они также говорят о некоем недифференцированном, гомогенном “самовосприятии [...] средневековых субъектов и объектов” господства. (*Ibid.* P. XXIX). Единственная критика, которую Мелтон и Камински допускают, относится исключительно к употреблению “политических лозунгов” и концепции германского континуитета (*Ibid.* P. XXXVI, LVI (примеч. 77)). От “модного жаргона” Бруннер, по их утверждению, отказался уже в 4-м издании (см. выше примеч. 8), а тезис о “германском континуитете” они предлагают отделять как ненужный,

обусловленный временем довесок от главных тезисов книги, что не будет означать никаких изменений в ее основном содержании (Ibid. P. XIII). Таким образом, Бруннер становится у них истинным пионером *histoire totale*, социальной истории и истории повседневности.

⁸⁴ См. подробнее: *Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München, 1989. S. 292.*

⁸⁵ “Найти новый взгляд мы не сможем, пока будем противопоставлять государство и власть культуре и ее отдельным “сторонам”, праву, экономике и т.д. Не государство, не культура являются для нас предметом истории, а народ и держава” (*Brunner O. Moderner Verfassungsbegriff. S. 515–516.*)

⁸⁶ В 1937 г. О. Бруннер, полемизируя с Цвидинек-Зюденхорстом, который упрекал Генриха Миттайса в одностороннем, юридическом способе рассмотрения Средневековья, выразился так: “Нам важна не взаимозависимость между сферами деятельности, рассматриваемыми в качестве автономных: нам важен конкретный порядок исторических образований. Об историческом месте такой социологии, для которой центральным является понятие взаимозависимости, можно составить представление по книге К. Маннхайма “Человек и общество в эпоху преобразования” (“*Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus*” (1935))” (*Brunner O. Politik und Wirtschaft. S. 421, примеч. 14.*) Та же мысль повторяется у Бруннера и в “Земле и господстве”: «Сам Цвидинек исходит из “трех категорий – государственной власти, права и экономики”, – “взаимозависимость” которых он призывает изучать, а не из строения одного конкретного порядка» (*Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 139, примеч. 11.*) Бруннер, по крайней мере в 1930-е годы, кажется, не видел, в чем разница между “реальными” разделениями и аналитическими различиями: в противоположность Веберу он отвергал возможность применения таких понятий, как “экономика”, чтобы рассматривать под определенным углом зрения аспекты, или измерения, прошлого. (См. об этом: *Brunner O. Zum Problem der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // Jahrbuch für Nationalökonomik. 1936. Bd. 7. S. 671–685, 674.*) Поэтому я не могу согласиться с Эксле, когда он усматривает у Бруннера “аспективное понимание познания в области истории государственного устройства и социальной истории” (*Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte. S. 330.*)

⁸⁷ О том, как национал-социализмом понималось “либеральное разделяющее мышление (*liberales Trennungsd Denken*)”, есть часто цитируемая и имеющая программный характер работа Эрнста Рудольфа Хубера (*Huber E.R. Die deutsche Staatswissenschaft.*), на которую многократно ссылается и сам Бруннер (*Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 116, 148.*) Хубер перечисляет “парные оппозиции” понятий, типичные для отвергаемого им “либерального разделяющего мышления”: государство и общество, государство и право, государство и товарищество, государство и личность, государство и экономика. От всех этих “разделений”, пишет он, следует решительно отказаться. Также и остальные “антитезы, характерные для времени либерализма” он хотел бы одним махом отменить: “Разделение идеи и экзистенции, бытия и долженствования, культуры и природы, статики и динамики, механизма и организма, церкви и государства, науки и государства, солдата и бюргера, капитала и труда, национализма и социализма – все это дальнейшие примеры того хаоса противопоставлений, в котором всякое единство беспрестанно разлагается на составные элементы. Основой этого разделяющего мышления является характерная для либерализма способность к абстракции,

не имеющая, однако, сил для конкретного единства”. (*Huber E.R. Die deutsche Staatswissenschaft. S. 25*). Нельзя не заметить, что в глазах Хубера все это представляет настоящую опасность: мир становится необозримым, отрасли науки – самостоятельными, “члены” – “эмансипируются” (*Ibid. S. 25. Ср. также со с. 15*). Это смесь научной утомленности перед лицом невыносимого многообразия социальной действительности с политическими сетованиями на то, как трудно с этой действительностью справиться. Действительно, за теоретическими различиями Хуберу чудится “скрытое волевое решение опрокинуть политический порядок” (*Ibid. S. 26*). Близость между фантазией о “новой тотальной научной системе” и “программой новой [тоталитарной. – Г.А.] политической позиции” (*Ibid. S. 7*) здесь очевидна.

⁸⁸ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 163. Ср. с высказыванием Карла Шмитта, по мнению которого, национал-социалистическое движение “преодолело многовековые, стоящие на службе определенных политических тенденций раскол и разрыв”, т.е. “целую систему антитез – души и тела, духа и материи, права и политики, права и экономики, права и морали – бесконечную литанию дуалистических пар, разрывающих вещи, которые в жизни и по сути нераздельны”. Из этого Шмитт делает вывод, что является “заблуждением, если не хуже, сегодня еще стремиться в отношении конкретных фактов правовой жизни разрывать юридическое и политическое, юридическое и мировоззренческое, юридическое и моральное” (*Schmitt C. Nationalistisches Rechtsdenken. S. 225*).*

⁸⁹ Вилли Оберкромме пишет по этому поводу обратное: “прошлое крупных этнических или государственных образований” Бруннер мог представить себе “только во всей его комплексности”, изобразить которую можно лишь “принимая во внимание разнообразие релевантные аспекты при сочетании широкого набора свойственных отдельным дисциплинам подходов” (*Oberkrome W. Volksgeschichte, Methodische Innovation und völkische Ideologisierung... S. 147. См. также: Kocka J. Geschichtswissenschaft und Sozialwissenschaft: Wandlungen ihres Verhältnisses in Deutschland seit den 30er Jahren // Geschichtswissenschaft vor 2000: Perspektiven der Historiographiegeschichte, Geschichtstheorie, Sozial- und Kulturgeschichte: Festschrift für Georg Iggers zum 65. Geburtstag / Hg. von K.H. Jarausch, J. Rüsen, H. Schleier. Hagen, 1991. S. 345–359, 351*). Имеет ли смысл причислять Бруннера к “историкам народа (*Volkshistoriker*)”, как предлагает Оберкромме, это еще вопрос. Тут следовало бы задуматься, не является ли сама “история народа (*Volksgeschichte*)”, по крайней мере после 1933 г., скорее политическим лозунгом и лозунгом научной политики, титулом, за который состязаются друг с другом различные конкурирующие между собой течения, отчего его трудно использовать как точное обозначение одного когерентного направления внутри исторической науки. В любом случае, “Земля и господство” Бруннера едва ли соответствует тем исследовательским принципам, которые Оберкромме описывает как характерные признаки *Volksgeschichte*.

⁹⁰ *Brunner O. Zum Problem der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. S. 677 (выделено мною. – Г.А.)*.

⁹¹ *Ibid. S. 678*.

⁹² Шрайнер, кажется, не замечает этого, когда изображает отказ Бруннера от “разделяющего мышления” как стремление добиться “целостного рассмотрения”, а как интерпретируется им как попытка “обнаружить отношения взаимообусловленности и взаимовлияния” (*Schreiner K. Wissenschaft von der*

Geschichte des Mittelalters. S. 140.). В соответствии с этой установкой, Шрайнер употребляет термин “разделяющее мышление” как не имеющий идеологической нагрузки и приписывает ему собственное значение – “распад исторической науки на несвязанные между собою сферы”, который он отождествляет с “изолированием путем обозначения разными понятиями того, что конкретно-исторически составляет одно целое” (Ibid.). Это гипостазированное разделение “сфер” Шрайнер, получается, путает с обязательным в исследовании понятийным различением аспектов, что позволяет ему сконструировать для Бруннера такую научную традицию, которая ведет от Карла Маркса через Отто Гирке к Карлу Лампрехту (Ibid. S. 141).

⁹³ Ср.: *Oberkrome W.* Volksgeschichte, Methodische Innovation und völkische Ideologisierung... S. 146. Винфрид Шульце, как кажется, не видит четкой разницы между изменением термина и изменением понятия. Описывая возникновение социальной истории в ФРГ, он излишне ориентируется на употребление термина “структура”, не проясняя при этом различные понятия о “структуре”, “обществе” и т.п. (Ср.: *Schulze W.* Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. S. 296). Причина этого, в том числе, и в том, что размытым остается само понятие о “понятии”: «“Политическая история народа (politische Volksgeschichte)” 1943 г. в четвертом издании 1959 г. превратилась в “историю структур (Strukturgeschichte)” в смысле Вернера Конце» (Ibid. S. 290, выделено мною. – Г.А.). То, что произошла замена терминов, – здесь ясно; но то, что благодаря этому задним числом добавился также и новый смысл – при том что метод работы, презумпции и дискурсивный контекст остались те же самые – не может не вызвать возражений. “Смена понятий, – пишет Шульце далее, – начало которой было заложено уже Адольфом Хельбоксом в новой “Структурной теории народного тела” (“Strukturlehre vom Volkskörper” (1936)), теперь смогла осуществиться в полной мере. Тем самым Бруннер, по его собственному высказыванию, заменил до сих пор применявшиеся им понятия “история народного порядка” и “социальная история”, попутно создав тем самым имплицитную генеалогию современной социальной истории”. Это, по-моему, меткая характеристика эксперимента Бруннера. Однако не является ли данная “генеалогия социальной истории” фиктивной, выяснить таким способом невозможно, поскольку описание этой операции разделяет те же самые презумпции, которые были заложены в ней самой. Поэтому, как мне представляется, история историографии при описании своего предмета – историографической операции Бруннера – сама оказалась втянутой в эту операцию.

⁹⁴ Подобное можно констатировать у Клауса Шрайнера: не отличая друг от друга понятия о “тотальности” и “структуре” и путая слово с понятием (но не в случае с термином “народ”), он утверждает, что понятие “тотальности” “в поле исторической науки” – в отличие от политики – могло и должно было “способствовать соответствующему фактам познанию, будучи понятием упорядочивающим и объясняющим”, доказательством чего и служит у него книга Бруннера. Потому Шрайнеру только и остается, что рекомендовать “избегать понятий, обремененных политическими коннотациями”, – тут он, видимо, имеет в виду термины, а не концепты, – “и заменять их такими, которые имеют в высокой степени формальный, инструментальный характер” (*Schreiner K.* Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters. S. 142). Поскольку Бруннер именно это и сделал, заменив “историю народа” (1939) на “историю структур” (1959), в итоге у Шрайнера остается только чувство некоторого

- неудовольствия по поводу “произвольности и манипулируемости исторических понятий” (Ibid. S. 142).
- ⁹⁵ Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 11 (примеч. 4). Ср.: *Idem*. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 2, 36. Здесь поэтому Бруннер усваивает идеи не Шмитта-“децизиониста”, а Шмитта, говорящего о “мышлении в категориях конкретного порядка”: «К настоящему моменту у Карла Шмитта произошел поворот от “децизионизма” к “мышлению в категориях конкретного порядка”», пишет он, ссылаясь на Ханса Крупу: *Krupa H. Carl Schmitt's Theorie des “Politischen”*. Leipzig, 1937. (К. Шмитт является автором так называемый теории решения (Entscheidungslehre), или децизионизма (от лат. *decisio*), согласно которой, волевое принятие решения (*decido*) является основополагающим моментом в проявлении политического (das Politische) и в становлении и развитии правовой системы. – *Примеч. пер.*).
- ⁹⁶ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Hamburg, 1933. S. 34–35.
- ⁹⁷ Подробный анализ и доказательства см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren*. S. 97–121.
- ⁹⁸ Schmitt C. Über die innere Logik der Allgemeinpakte auf gegenseitigen Beistand // Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1929–1939. Hamburg, 1935 (ND: B., 1988. S. 204–209 (S. 205)).
- ⁹⁹ Клаус Шрайнер интерпретирует разработку Бруннером в “Земле и господстве” темы феодальной усаобицы как прямое следствие рецепции статьи К. Шмитта “Понятие политического” (“Begriff des Politischen”) (*Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters*. S. 138). Однако он упускает из виду как значительные отклонения Бруннера от взглядов Шмитта, так и его высказывания, свидетельствующие о неприятии им Шмитта-“децизиониста”. Кроме того, Шрайнер, похоже, принимает за чистую монету заявление Шмитта из “Предисловия” к новому (1963 г.) изданию его “Begriff des Politischen”, которое он цитирует: Шмитт пишет, что “Земля и господство” (1-е изд. – 1939 г.) является “первопроходческим трудом”, который послужил “важной исторической верификацией моего критерия политического”.
- ¹⁰⁰ Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 140.
- ¹⁰¹ Может быть, следовало бы проследить связь между “мышлением в категориях конкретного порядка” и “отношениями органической встроенности в порядок (organisches Einordnungsverhältnis)”, которой требовали правоведы-нацисты. Подробнее см.: *Grimm B. Die “Neue Rechtswissenschaft”*. S. 45. (Einordnungsverhältnis – в разработанной национал-социалистической юриспруденцией концепции (Г.А. Вальц) одна из трех основополагающих форм отношений между людьми в разные эпохи, каждой из которых соответствует определенный доминирующий тип права. Так, индивидуалистические конфликтные отношения (individualistisches Streitverhältnis) были свойственны, как считалось, либеральной индивидуалистической эпохе; для территориального деспотизма прошлого или современной диктатуры (большевистской, фашистской) предполагались потестарные отношения господства (herrschaftliches Machtverhältnis), отношениями органической встроенности в порядок (organisches Einordnungsverhältnis) характеризовались общественная и правовая жизнь германской древности и Средневековья, того же ожидали от нового нацистского государства. См. об этом: *Ditt Th. “Stoßtruppakultät Breslau”: Rechtswissenschaft im “Grenzland Schlesien” 1933–1945*. Tübingen, 2011 (особенно с. 59). – *Примеч. пер.*).

- ¹⁰² *Bader K.S.* Staat und Bauerntum im deutschen Mittelalter // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters / Hg. von Th. Mayer. Leipzig, 1943. S. 109–129 (здесь с. 119–120). Подробнее см. его рецензии: *Idem.* Herrschaft und Staat im deutschen Mittelalter (Zu: *Brunner*, Land und Herrschaft; *Schlesinger*, Die Entstehung der Landesherrschaft; *Mitteis*, Der Staat des hohen Mittelalters) // Historisches Jahrbuch. 1947. Bd. 61/69. S. 618–646 (особенно с. 645).
- ¹⁰³ См., например, *Schorer K.* Herrschaft und Legitimität. Ein Huldigungskonflikt im Küssenbergertal // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1986. Bd. 134. S. 99–117 (S. 99–100).
- ¹⁰⁴ *Schulze W.* Deutsche Geschichtswissenschaft. S. 290.
- ¹⁰⁵ *Brunner O.* Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. VII.
- ¹⁰⁶ *Algazi G.* Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 22–29, 249–253.